

И. В. Бруяко

Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом

Keywords: Carpathian-Pontic region, Early Iron Age, pintaderae, Vekerzug-Culture, Getae.

Cuvinte cheie: regiunea Carpato-Pontică, epoca fierului timpuriu, pintadere, cultura Vekerzug, geți

Ключевые слова: Карпато-Понтийский регион, ранний железный век, пинтадеры, культура Векерзуг, геты.

I. V. Bruyako

Pintaderae of Early Iron Age between Carpathian Basin and Pontic Region

In Early Iron Age, North-Western Pontic region turns into the area of such specific clay objects as pintaderae. This phenomenon spreads widely in Carpathian-Pontic region in 6th—4th c. BC. The main area of pintaderae was Vekerzug culture on Great Hungarian Plain. It is known that these objects were brought here by Siginnae from Northern Caucasus during their migration to the West. Some pintaderae were found in the area of Getian culture in 5th c. BC. The author offers a reconstruction of the process of distribution of pintaderae outside of their main area. Considering the chronology, topography and cultural identity of sites with these clay items to the East of the Carpathians, it could be established that pintaderae appear between the Dniester and Siret rivers as a result of the disintegration of the cultural phenomenon from Great Hungarian Plain known as Vekerzug culture. The dissolution of this Scythian enclave was recorded in 5th c. BC, so the late dates of pintaderae from Dniester-Carpathian region could indicate the direction of migration of the Vekerzug population. Despite the existence of various interpretations of this category of material culture (like tools for tattooing or body painting), their real purpose remains uncertain.

I. V. Bruyako

Pintaderele din epoca timpurie a fierului dintre Carpați și spațiul Pontic

În epoca fierului timpuriu, spațiul nord-vest pontic se include în arealul de circulare a unei categorii de obiecte specifice din lut — pintadere. Acest fenomen era larg răspândit în regiunea Carpato-Pontică în sec. VI—IV î.Hr. Teritoriul de bază de circulare a pintaderelor corespunde culturii Vekerzug de pe Marea Câmpie Ungară. Se consideră, că aceste obiecte au fost aduse aici de către populația din Caucazul de Nord (sigini) în timpul migrației acestora spre vest. Unele pintadere au fost descoperite în arealul populat de către geți în sec. V î.Hr. În prezentul articol este propusă reconstruirea mecanismului de răspândire a pintaderelor în afara arealului lor de bază. Luând în considerare cronologia, topografia și apartenența culturală a siturilor cu pintadere de la est de arcul Carpatic, apariția pintaderelor pe spațiile dintre Nistru și Siret reprezintă rezultatul dezintegrării mediului cultural compact din Alföld (cultura Vekerzug). Descompunerea acestui anclav scitic are loc exact în sec. V, iar datarea mai târzie a pieselor din cadrul grupului dintre Carpați și Nipru indică orientarea vectorului de migrare a populației culturii Vekerzug. Necâtând la diversele propuneri de interpretare a acestei categorii de inventar arheologic (piese pentru tatuaj sau aplicarea picturii pe corp), funcția lor rămâne deocamdată incertă.

И. В. Бруяко

Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом

В раннем железном веке Северо-Западное Причерноморье попадает в ареал специфических глиняных предметов — пинтадер. Этот феномен был распространён в Карпато-Понтийском регионе в VI—IV вв. до н.э. Основным ареалом пинтадер была область культуры Векерзуг на Большой Венгерской низменности. Считается, что эти предметы были сюда принесены населением Северного Кавказа (сигинны) в ходе их миграции на запад. Некоторые пинтадеры были обнаружены в области проживания гетов в V в. до н.э. Предлагается реконструкция механизма проникновения пинтадер за пределы их основного ареала. Учитывая хронологию, топографию и культурную идентичность памятников с пинтадерами к востоку от Карпатской дуги получается, что появление пинтадер на землях между Днестром и Сиретом, это результат дезинтеграции компактного культурного пространства в Альфельде (культура Векерзуг). Распад этого скифского анклава зафиксирован именно для V в. до н.э., поэтому поздние даты пинтадер днестровско-карпатской группы указывают на направление исхода населения культуры Векерзуг. Несмотря на различные интерпретации рассматриваемой категории предметов (как инструментов для татуирования или раскрашивания тела), их назначение пока остается неопределённым.

В раннем железном веке Северо-Западное Причерноморье попадает в ареал загадочных глиняных предметов, именуемых пинтадерами. Хронологически это явление было весьма мимолётным. Крайне невелика и численность находок. Однако этот эпизод кажется довольно важным, поскольку может дополнить картину исторического развития региона в соответствующий период некоторыми новыми штрихами, которые её детализируют, а возможно, и в какой-то степени исправляют. Две особенности определяют феноменальность данного эпизода: внезапность и оригинальность. Оригинальность видится в том, что в тот короткий период раннего железного века, когда пинтадеры отмечены в Северо-Западном Причерноморье, на соседних территориях их нет. А говоря о внезапности, я имею в виду то обстоятельство, что, за исключением эпохи энеолита, ни в предыдущие, ни в последующие периоды такие предметы в Северо-Западном Причерноморье неизвестны.

Район исследования ограничивается тремя реками — Днестром, Дунаем и Сиретом. Поэтому с географической точки зрения точнее будет говорить не о Северо-Западном Причерноморье, а о Днестровско-Карпатском (Сиретском) регионе. На сегодня здесь известны следующие находки (табл. 1).

В настоящей статье нас интересуют в первую очередь пять из шести находок. Они относятся к довольно ограниченному периоду времени и, вероятно, обязаны своим появлением каким-то достаточно динамичным, относительно скоротечным событиям. Правда, список этот небезупречен с точки зрения хронологии находок. По возможности следует уточнить ситуацию с тремя пинтадерами, дата которых сопровождается вопросительным знаком.

Ханска — поселение классической гетской культуры, и это стало ясно после первых раскопок памятника, которые провела Анна Ивановна Мелюкова. Она предложила датиро-

вать поселение IV—III вв. до н. э. (Мелюкова 1963: 68). Впоследствии агломерацию памятников в микроне Ханска на протяжении ряда лет изучал Иван Тимофеевич Никулицэ. На основании полученных новых материалов он, в целом, подтвердил дату, предложенную А. И. Мелюковой для гетского поселения (Никулицэ 1985: 113). В то же время, в первой публикации по Ханска упоминается о находках нескольких фрагментов амфор, которые Ираида Борисовна Зеест отнесла к продукции Хиоса и датировала V в. до н. э. (Мелюкова 1963: 66). Судя по силуэту, к V веку в том числе можно отнести и 1 наконечник стрелы из таблицы с иллюстрациями (Мелюкова 1963: 68—69, рис. 19: 2). В общем, можно согласиться с А. И. Мелюковой в том, что касается начала функционирования поселения Ханска ещё в V в. Соответственно, к этому же времени может относиться и пинтадера (рис. 1: 2), хотя она найдена в жилище 1, которое, вероятно, датируется уже основным горизонтом обитания на поселении, т. е. IV в. до н. э.

Другой не вполне ясный контекст зафиксирован на городище Стынчешть на севере румынской Молдовы. Ещё совсем недавно этот памятник был плохо известен, и его окружал ореол таинственности. Предполагалось, и не без оснований, что городище Стынчешть может стать одним из ключевых источников по вопросу генезиса гетской культуры. Оставаясь загадочным явлением, городище многие годы пробуждало у исследователей диаметрально противоположные ожидания. У одних нечто, таившееся внутри этой формы, порождало необычайный оптимизм. У других, наоборот, — подавляло уверенность и заставляло быть крайне осторожными в выборе выражений, когда речь заходила о раннегетской культуре. И вот, в 2005 г. материалы городища были опубликованы авторами раскопок Адрианом и Мариленой Флореску (Florescu, Florescu 2005). По разным причинам я не считаю себя вправе подробно комментировать это

Таблица 1.

Находки пинтадер в Карпато-Днестровском регионе

№ п/п	Памятник/ культурная принадлежность	Хронологический контекст находки	Источник информации
1	Никоний / древнегреческий город	первая пол. V в.	Бруяко 1993а
2	Новая Некрасовка II / поселение гетов	вторая — третья четв. V в.	Бруяко 2005
3	Ханска / поселение гетов	V (?) — IV вв.	Мелюкова 1963
4	Стынчешть / городище гетов	IV в. (?)	Florescu, Florescu 2005
5	Пояна / поселение гетов	IV в. (?)	Vulpe 1952
6	Картал / слой культуры Басарабь	VIII—VII вв.	Раскопки Нижнедунайской АЭ в 1999 г.

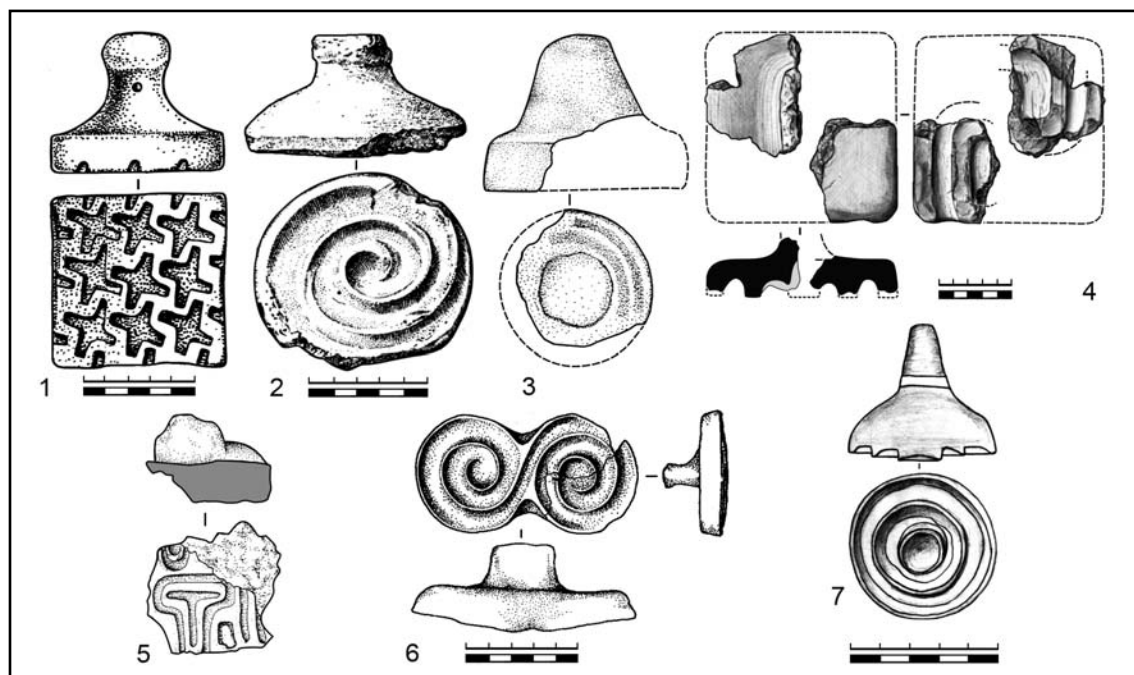

Рис. 1. Находки пинтадер из Карпато-Понтийского региона. 1 — Никоний; 2 — Ханска; 3, 5 — Стынчешть; 4 — Новая Некрасовка; 6 — Бернадя; 7 — Картал (1, 7 — материалы автора; 2 — по Мелюкова 1963: 69, рис. 19: 7; 3, 5 — по Florescu, Florescu 2005: fig. 64: 6, 8a, 8b; 4 — по Бруяко 2005: 296, рис. 14: 6; 6 — Ursuțiu 1999—2000: 90, pl. I: 1).

Fig. 1. Finds of Pintaderae from the Carpathian-Pontic area. 1 — Nikonion; 2 — Hansca; 3, 5 — Stâncești; 4 — Novaya Nekrasovka; 6 — Bernadea; 7 — Kartal (1, 7 — materials of the author; 2 — after Мелюкова 1963: 69, рис. 19: 7; 3, 5 — after Florescu, Florescu 2005: fig. 64: 6, 8a, 8b; 4 — after Бруяко 2005: 296, рис. 14: 6; 6 — Ursuțiu 1999—2000: 90, pl. I: 1).

издание. Отмечу лишь, что в характеристике памятника, отдельных горизонтов, комплексов и находок много непонятного, а иногда и противоречивого¹. Контекст находки пинтадер (а их, вопреки мнению авторов, не одна, а две)² неясен. Несмотря на то, что жилище, в котором были найдены пинтадеры (рис. 1: 3, 5), датировано IV в. до н.э., из его описания не видно, на чём основана эта датировка (Florescu, Florescu 2005: 38—39). Между тем, городище существовало довольно долго: оно датируется серединой VI — III вв. до н.э., что отнюдь не исключает датировку пинтадер любым из отрезков этого диапазона, в т. ч. и V в.

Поселение Пояна — многослойный фракийский памятник, где пинтадера отнесена ко «второй эпохе железа», как это следу-

ет из подписи под соответствующей таблицей с иллюстрациями (Vulpe 1952: fig. 14: 1). Вторая эпоха железного века, по представлениям румынских археологов, — это синоним латена. То есть, она включает в себя в том числе и период существования классической гетской культуры IV в. до н.э. Уточнить контекст находки из Пояна по статье Раду Вулпе 1952 г. вряд ли возможно. Более поздние публикации этой вещи мне неизвестны, и пока что она хронологически, как будто бы, несколько обособлена от остальной группы находок. Морфологически пинтадера из Пояна чрезвычайно похожа на пинтадера из Ханска³. Эти два поселения расположены довольно близко друг от друга, и, таким образом, Пояна также входит в общую группу пунктов находок пинтадер на землях между Днестром и Карпатами (Сиретом).

Итак, датировка 5 штампов демонстрирует достаточно узкий диапазон — в пределах столетия. При этом 2 из 5 датируются ещё более точно — первой половиной V в. до н.э. Несмотря на указанные в публикациях

¹ Без дружеской помощи молдавских коллег — Сергея Агульникова, Сергея Бодяна и Сергея Поповича, с их совершенным знанием языка соседней страны, многие контексты из этой монографии остались бы мной совершенно непонятными. Однако, иногда даже их усилия оказывались тщетными.

² Пинтадерой авторы считают лишь один экземпляр (рис. 1: 5), тогда как другой (рис. 1: 3), по их мнению, является лощиком из обожжённой глины (Florescu, Florescu 2005: fig. 64: 6, 8a, 8b).

³ Сходство между ними в самом деле очень велико, на что обратила внимание А. И. Мелюкова (1963: 67).

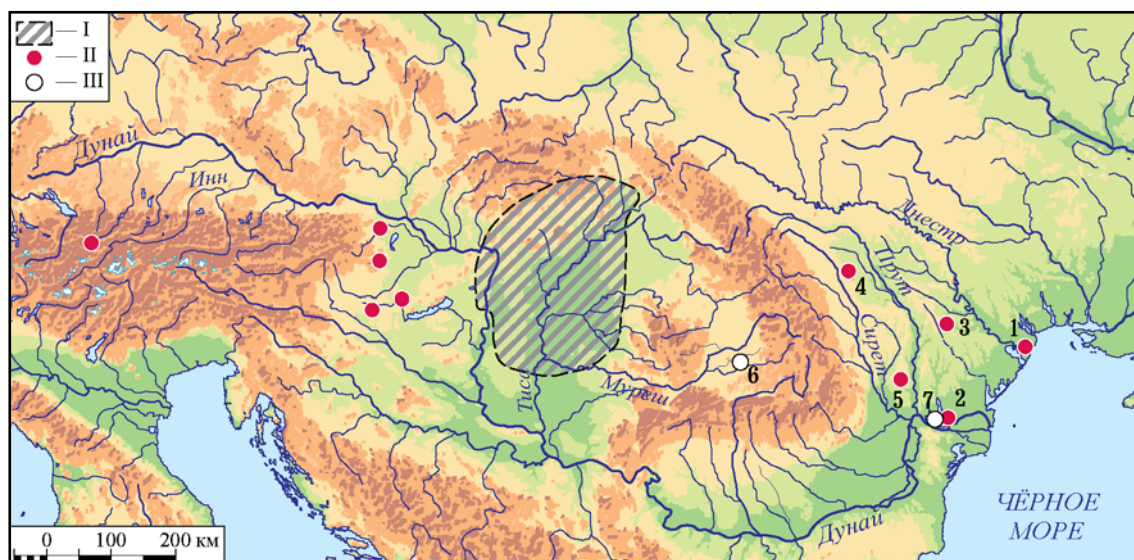

Рис. 2. Картографирование находок: I — основной ареал пинтадер раннего железного века (Алфёльд); II — местонахождения VI—IV вв. до н.э. (1 — Никоний; 2 — Новая Некрасовка; 3 — Ханска; 4 — Стынчешть; 5 — Пояна); III — местонахождения VIII—VII вв. до н.э. (6 — Бернадя; 7 — Картал).

Fig. 2. Mapping of finds: I — main area of Pintadera of Early Iron Age (Alföld); II — sites of 6th—4th cent. BC (1 — Nikonion; 2 — Novaya Nekrasovka; 3 — Hansca; 4 — Stâncești; 5 — Poiana); III — sites of 8th—7th cent. BC (6 — Bernadea; 7 — Kartal).

датировки, оставшиеся 3 штампа также вполне могут относиться к этому же столетию, учитывая широкие хронологические рамки соответствующих памятников и их принадлежность одному и тому же населению — гетам.

Если мы попробуем отыскать интересующие нас предметы для V—IV вв. на соседних территориях, то эти поиски окажутся безрезультатными. В степях Северного Причерноморья пинтадеры неизвестны, так же, впрочем, как нет их и в Приднепровской лесостепи, Добрудже и Валахии. Ближайшими регионами, где такие находки есть, причём в очень большом количестве, являются Венгрия (Алфёльд) и Кавказ. При очевидной синхронности находок пинтадер из этих двух ареалов в рамках эпохи раннего железного века, хронологический приоритет кавказского региона всё же несомненен. Здесь пинтадеры известны фактически уже в позднем бронзовом или в самом начале раннего железного века, то есть, имеют более долгую историю, и кроме того, несравненно более обширный ареал, куда входят культурные области как Северного Кавказа, так и Закавказья. Это обстоятельство некоторым образом облегчает нашу задачу, поскольку позволяет детали кавказского сюжета оставить за рамками исследования и сосредоточиться на карпатском направлении.

Проблема изучения пинтадер в Карпатском бассейне не оставалась без внимания исследователей и имеет вполне достойную

историографию. Причём это справедливо и для раннего железного века, и для преисторической эпохи (нео-энеолит). Последняя по времени обстоятельная работа, посвящённая пинтадерам раннего железного века, принадлежит венгерской исследовательнице Юлии Кишфалуди. Автор, фактически, собрала воедино и систематизировала весь корпус находок глиняных штампов на территории Венгрии по состоянию на середину 90-х гг. прошлого века⁴. Всего здесь зафиксировано 137 экз. Из них 42 найдены в ареале т.н. скифских памятников (Kisfaludi 1997: 76). Вся коллекция делится на 2 группы:

1) большие (5—10 см) четырехугольные или удлинённые, с массивной ручкой округлого контура; в ручке никогда нет отверстий; орнамент как негативный, так и позитивный;

2) маленькие (1—4 см) круглые, квадратные, треугольные или ромбические; контур ручки конический; ручка очень часто имеет отверстие; есть несколько веретенообразных (биноклевидных?) экземпляров с двумя рабочими поверхностями; орнамент только позитивный.

⁴ В 2010 г. вышла еще одна работа, где география пинтадер раннего железного века расширена за счёт областей, лежащих западнее основного ареала в Альфёльде: Задунавье (Кишальфёльд, Дунантуль), Бавария, Моравия. В двух последних регионах эти находки единичны. Статья снабжена весьма информативным каталогом находок пинтадер (Schwellnus 2010).

Если на Кавказе феномен пинтадер имеет более или менее длительную традицию, которая существует в течение позднего бронзового и раннего железного веков, то в Алфёльде этот сюжет — откровенная вставка в местный этнокультурный контекст. При этом его скоротечность и необычайная популярность свидетельствуют о том, что он извлечён из чужеродного, инокультурного содержания и механическим образом, массово внедрён в культурную среду Восточной Венгрии. Появление пинтадер в этом регионе исследователи единодушно связывают с культурой Векерзуг (далее — КВ), формирование которой мыслится ими как результат прихода на Венгерскую равнину восточного населения. В предельно общем смысле это население представляется скифским, в более конкретном это могли быть сигинны — народ кавказского происхождения, который к этому времени приобрел практически все маркеры раннескифской материальной культуры⁵. Не осталось в стороне от участия в культурогенезе группы Векерзуг и какое-то местное население (Chochorowski 1987: 197 ff.; 1993: 245 ff.; 1998: 486; Бруяко 2005а: 291—292).

Хронология КВ на протяжении последних 25—30 лет постоянно уточнялась и в настоящее время она охватывает целиком VI в., а также, по представлениям разных исследователей, занимает какую-то часть предыдущего и последующего столетий (Chochorowski 1998: 480; Бруяко 2005а: 277; Kemenczei 2009: 112—113).

В последнее время появились данные о находках пинтадер в более древних пластах раннего железного века. Имеются в виду 2 находки, сделанные в ареале культуры Басарабь. Это поселение Бернадя (уезд Муреш, Трансильвания) и городище Картал на Нижнем Дунае. В Трансильвании штамп был найден в слое поздней Басарабь (рис. 1: 6), который, по мнению автора публикации находки, датируется VII — нач. VI вв. (Ursuțiu 2000)⁶.

⁵ Свои собственные также не были утрачены, о чём говорит, в частности, быстрая и непосредственная трансляция пинтадер из Кавказского региона в Карпатский.

⁶ Иногда пинтадеры путают со штампами — керамическими орнаментами. Так, расхожим стало мнение о находке пинтадер на городище Рудь в слоях среднего гальштата (Ursuțiu 1999—2000: 282; Kemenczei 2009: 94). На самом деле, если пользоваться не пересказами публикации М. А. Романовской, а непосредственно её текстом, то станет совершенно ясно, что речь идёт об орнаменте с негативом зубчатого штампа (Романовская 1980). Такие находки образуют отдельную достаточно обширную группу, которая опу-

Но это означает, что датировка контекста настолько поздняя, что полностью соответствует ранней фазе КВ в Алфёльде. Эта находка весьма примечательная ещё и потому, что ранее пинтадеры в Трансильвании не были известны. В Картале пинтадера (рис. 1: 7) была найдена в яме с выразительной керамикой эпохи среднего гальштата, в том числе орнаментированной в стиле, характерном для культуры Басарабь VIII в. до н.э.⁷ Резюмируя данный сюжет, можно отметить, что находки в Бернадя и Картале в слоях Басарабь остаются уникальными каждая для своего культурно-географического ареала, но дальнейшие выводы на сей счёт делать пока довольно трудно⁸.

Говоря о пинтадерах, невозможно обойти молчанием вопрос их функционального назначения, хотя споры по этому поводу до сих пор не привели к сколько-нибудь правдоподобному и убедительному решению. Ю. Кишфалуди сразу отвергает использование таких штампов в качестве орнамента керамики. Вместе с тем, она полагает, что экземпляры первой группы могли быть инструментами для росписи тканей⁹. Но, вероятнее всего, большинство штампов использовалось всё-таки для раскраски тел (Kisfaludi 1997: 78—79). Полностью согласен с подобной бифункциональностью пинтадер и Тибор Кеменцеи (Kemenczei 2009: 94). Заметим, что трактовка венгерских исследователей не является новой, ибо ещё полвека назад Евгений Игнатъевич Крупнов полагал, что пинтадеры Кавказа могли применяться как при орнаментации тканей, так и при раскраске человеческого тела (Крупнов 1962: 204). В более позд-

бликована в виде свода румынскими исследователями (Ailincăi et al. 2004—2005).

⁷ На городище Картал имеется весьма мощный слой эпохи раннего энеолита (группа Болград-Алденъ). Учитывая уникальность этой находки для эпохи среднего гальштата, нужно считаться и с тем, что пинтадера могла принадлежать энеолитическому слою и оказаться в комплексе раннего железного века случайно. Хотя, считается, что одним из отличий группы Болград-Алденъ от нуклеарного ареала культуры Гумельница является как раз отсутствие в слоях этих поселений пинтадер (Субботин 2013: 112). Тем самым, если поселение в Картале принадлежит болградской локальной группе, то находка пинтадер либо является для нее уникальной, либо, все-таки, относится к слою раннего железного века.

⁸ К этому можно добавить, что пинтадеры из Баварии, судя по всему, довольно ранние. Они датируются временем Урненфельд (Schwellnus 2010: 210, cat.).

⁹ При определённых технологических манипуляциях с различным сырьём (воск, смола) орнамент на тканях, нанесённый штампом, может быть довольно устойчивым (Schwellnus 2010: 219).

ней своей работе он предложил критерий для деления пинтадер на две группы, в соответствии с областью их применения. Так, пинтадеры с глубоким орнаментом, по мнению Е. И. Крупнова, использовались для татуировки, а с менее рельефным — для декорирования культовых хлебцев (Крупнов 1969: 108—110). Функции керамического орнамента, как, например, на Дальнем Востоке в Приамурье, для европейского региона дружно отвергались и, надо сказать, вполне справедливо по причине отсутствия подобного орнамента на керамике. Поэтому предполагалось, что пинтадеры использовались в качестве средства для нанесения орнамента на ткани, но главным образом, всё-таки, на человеческие тела. То есть, речь идёт о поверхностной татуировке, или, точнее, — раскраске. Уверенности в этом добавляют свидетельства античных авторов — Геродота, Ксенофонта, Аммиана Марцеллина. В то же время, изучение аналогичных находок преисторической эпохи, избавленной, как известно, от опеки нарративными источниками, позволило обратить внимание на иные возможные функциональные характеристики этих предметов. Первая предполагает наличие оттисков всё-таки на неорганическом материале — глине. Вторая — оттиски на хлебе, и тогда пинтадеры оправдывают своё название в немецком варианте — «Brotstempeln». В первом случае пинтадеры выполняли роль керамических орнаментов и это, в целом, удостоверено этнографическими и археологическими данными. Публикуя материалы из Норшун-тепе, Клаус Шмидт собрал сведения, подтверждающие использование пинтадер в этом качестве в Анатолии в эпоху неолита-бронзы. Негативы штампов отпечатались на глиняных ларцах (реликвариях), ваннах, больших сосудах и просто кусках глины (Schmidt 2002: 105). В то же время, основной функцией штампов К. Шмидт считает вторую из названных выше, т.е. орнаментацию хлебной продукции (теста). Подобные действия носили обрядовый характер, сопровождая определённые ритуалы. Поскольку подтвердить эту мысль археологическими источниками пока невозможно, К. Шмидт апеллирует к этнографическим наблюдениям. Между тем, для раннего железного века Алфёльда Ю. Кишфалуди отмечает несколько случаев, когда в погребениях с пинтадерами были зафиксированы остатки минеральных красителей (реальгар, охра, известь). А на четырёх штампах их следы отмечены прямо на рабочей поверхности (Kisfaludi 1997: 78). Примечательно, что следы краски зафиксированы и на отдельных штампах эне-

олитического времени (см. Makkaу 1984: 91). Однако К. Шмидт полагает, что здесь имеет место лишь разновидность уже упомянутого хлебного ритуала, и эта вариация предполагает раскраску рельефно украшенного теста (Schmidt 2002: 107).

Использование пинтадер в качестве «Brotstempeln» представлялось наиболее вероятным и И. Г. Нариманову, который опубликовал серию штампов из Сары-тепе (Западный Азербайджан). Тем самым, он не разделял мнение своих азербайджанских коллег, которые считали пинтадеры печатями — знаками собственности (ДГКСА 1985: 47, 131, табл. XVII: 14, 15). И. Г. Нариманов, скорее всего, прав. В противном случае явно просматриваются параллели соответствующим институтам древневосточных монархий, которые вряд ли уместны для периферийных обществ Закавказья.

Обращаясь к иным, ещё более удалённым от нас районам древнего мира, можно найти свидетельства использования фигурных глиняных штампов в качестве орнаментов керамической (терракотовой) продукции — ларцов-«реликвариев». Большая коллекция печатей из Алтын-депе представляет собой устойчивую, характерную традицию материальной культуры ранних цивилизаций Древнего Востока. По сырьевому воплощению все печати из Алтына делятся на три группы, при том, что глиняные (терракотовые) штампы образуют наименьшую из них по численности, уступая металлическим и каменным. Вадим Михайлович Массон заметил, что, несмотря на большое число печатей, их оттиски редки и представлены лишь на кусках обожжённой глины (Массон 1981: 88).

На неолитических памятниках Приамурья известны глиняные шарообразные штампы, которые использовались для нанесения криволинейного орнамента на сосуды (Молодин 1990: 77). Впрочем, эти предметы типологически отличаются от штампов-пинтадер. Зато ещё дальше на восток, в Японии, на поселениях культуры Дзёмон (о. Хоккайдо) найдены глиняные штампы до мельчайших деталей сходные с европейскими образцами эпохи нео-энеолита (Молодин 1990: 77—79, рис. 2; 3).

Подводя итог обсуждению практической области применения пинтадер, следует признать, что у нас нет для этого надёжных и недвусмысленных данных. По-видимому, не остаётся ничего иного, как констатировать, что проблема функциональной принадлежности пинтадер убедительного реше-

ния по-прежнему не имеет¹⁰. Причём, как для эпохи палеометалла, так и для раннего железного века. А потому мы вернёмся к более привлекательному сюжету, который позволяет использовать эти предметы в историко-археологических построениях применительно к Карпато-Понтийским землям в VI—V вв. до н. э.

Из краткого обзора, приведённого выше, намечается вывод, согласно которому феномен пинтадер — явно паневразийского свойства, имеет очевидный полицентрический характер и проявляется ритмически, на определённых стадиях развития ранних земледельческих обществ, в их традиционных, стабильных ареалах¹¹. Но, в таком случае, пинтадеры на Венгерской равнине в раннем железном веке не соответствуют этой парадигме, поскольку большая их часть происходит из ареала КВ. Формирование этой культуры произошло при самом активном участии пришлого населения, которое, к тому же, мало соответствовало критериям оседло-земледельческого общества. Впрочем, возможно, это несоответствие лишь кажущееся, а устранить его поможет анализ социального и, в особенности, гендерного аспекта проблемы. Согласно Ю. Кишфалуди, из 137 пинтадер, известных на момент публикации (т. е. на 1995 г.), 79 были найдены в 53 захоронениях. Однако, в погребениях, совершённых по обряду трупоположения, находилось только 19 штампов, причем для 14 захоронений имеются антропологические определения. А именно, в 10 случаях пинтадеры сопровождали женские захоронения, в 1 — мужское, и в 3 — детские (Kisfaludi 1997: 79). Говоря о положении в обществе индивидуумов, раскрашенных таким образом, Т. Кеменцеи ограничился указанием на то,

что они занимали в этом обществе особую нишу (Kemenzsei 2009: 94). Действительно, такое объяснение — первое, что приходит на ум. Тем более, что эта версия вполне подтверждается свидетельствами древних авторов — современников описываемых событий. Так, Ксенофонт упоминает обычай татуировки тел у племени моссинойков, с которым он и его соратники по анабазису встретились в Северо-Восточной Анатолии. Согласно Ксенофону, обычай татуировки у моссинойков был привилегией сыновей богатых родителей (Xen. Anab. V, IV.32).

Вероятно всё же, что пинтадеры раннего железного века в Алфёльде вполне соответствуют ритмическому ряду этого явления, растянувшегося на тысячелетия и охватившего самые разные исторические области. Пинтадеры — атрибут земледельческих обществ. Эта аксиома покоится на анализе больших длительностей, каковыми являются земледельческие цивилизации от Японии до Центральной Европы. Нет оснований думать, что в раннескифское время этот постулат был нарушен. Вероятно, в составе скифской орды, положившей начало группе Векерзуг, находился значительный процент земледельческого (нескифского) населения. Возможно, именно эта часть населения и могла быть историческими сигиннами. Краткий текст, фактически реплика, пинтадер в Венгрии говорит об отсутствии здесь как традиции, так и преемственности. Феномен пинтадер не встретил понимания у населения Алфёльда (хотя этот компактный ареал и способствовал проникновению отдельных экземпляров дальше на запад, в земли позднегалльштатского мира) и, скорее всего, умер вместе с поколением тех людей, которые привнесли его сюда из Кавказского региона. Не слишком многочисленная, но всё же серия антропологических определений показывает, что в своём большинстве обладателями пинтадер были женщины. И тогда цепочку наших умозаключений можно увенчать выводом, который по своей обезоруживающей наивности, обывательской доходчивости и научному нахальству выглядит совершенно по-американски. Откуда бы ни шла орда, проложившая путь на Венгерскую равнину, как минимум, какая-то часть женщин в её составе были кавказского происхождения. Возможно, тогда более понятными станут находки и тех единичных экземпляров пинтадер, которые встречены ещё дальше на западе, в ареале календенбергской культуры (Смоленице), Каринтии и на позднегалльштатском поселении в окрестностях

¹⁰ Мне думается всё же, что эти штампы применялись для поверхностной татуировки или раскраски каких-то органических материалов. Поскольку такое покрытие было недолговечным и нестойким, то можно предположить, что оно предназначалось для какого-то определённого, кратковременного действия (ритуала).

¹¹ Феномен пинтадер в ареале трипольско-кукутенской общности не подвергался глубокому осмыслению. Т. С. Пассек констатировала, что эти предметы предназначались для татуировки (Пассек 1949: 236). А в соответствующем томе «Археологии СССР» пинтадеры зачислены в категорию культовых предметов (Энеолит СССР 1982: 248), что обычно извлекать от лишних вопросов. Хранит молчание по поводу пинтадер и автор новейшей монографии, посвящённой космогоническим представлениям древнейших земледельцев Юго-Восточной Европы, определённым в разных группах археологических источников (Палагута 2012).

Зальцбурга¹². И, в таком случае, можно предположить, что ритуал, в котором предусматривалось использование пинтадер, мог быть, к примеру, свадебным.

Что касается хронологии пинтадер в Алфёльде, то наиболее ранние экземпляры Т. Кеменцеи датирует периодом HaC2-HaD1, замечая в то же время, что в поздних комплексах скифского горизонта глиняных штампов уже нет (Kemenczei 2009: 94). Тогда получается, что все находки пинтадер к востоку от Карпат образуют наиболее позднюю группу, соотносимую в европейской шкале с древностями ступеней HaD3-LTA. Причём все они найдены на памятниках гетской культуры. В какой-то степени это справедливо и для Никония, поскольку наличие в городе фракийского населения было стабильным и представительным на всём протяжении его истории (Бруяко 1993)¹³.

Находка пинтадер в античном Никонии позволила высказать следующую идею. Она была сформулирована 20 лет назад (Бруяко 1993а; 1993б: 67 и сл.) и заключалась в том, что данную находку можно рассматривать как свидетельство контактов между греческими городами и населением Алфёльда¹⁴. В перечень свидетельств таких дальних контактов включалась, в частности, и технология изготовления сероглиняной гончарной керамики. Теперь эту гипотезу можно скорректировать следующим образом. Идея карпато-понтийских контактов по-прежнему считается актуальной и жизнеспособной (Смирнова 1999; Smirnova 1998; Бруяко 2005а: 199 и сл.; Кашуба, Дараган, Левицкий 2010), однако, пинтадеры теперь могут служить иллюстрацией более сложной цепочки событий. Учитывая хронологию, топографию и культурную идентичность памятников с пинтадерами к востоку от Карпатской дуги, получается, что появление пинтадер на землях между Днестром и Сиретом (Бессарабия и румынская Молдова) — это результат дезинтеграции компактного (регионального) культурного пространства. Конкретно, речь может идти

об Алфёльде и культуре Векерзуг. Распад этого скифского анклава вполне удостоверен именно для V в. Центробежные тенденции, сопровождающие подобные явления, приводят к тому, что отдельные звенья культурной традиции могут быть вынесены довольно далеко за пределы первичного ареала. Важна в данном случае траектория этого выноса и этнокультурная среда, где эти звенья оказались воспринятыми.

Итак, предполагается, что поздние даты пинтадер днестровско-карпатской группы указывают на направление (или одно из направлений) исхода населения культуры Векерзуг. Это была своеобразная репатриация потомков скифского населения, которая происходила в первой половине V в. до н. э. В результате население, участвовавшее в этом процессе, который можно назвать реверсивной миграцией, осело уже в новом культурном контексте, который формировался в Днестровско-Карпатских землях. Это была культура ранних гетов, в генезисе которой теперь, наряду с южной основной и юго-западной второстепенной (Бруяко 2005а: 219), может появиться ещё одна — северо-западная (западная) сюжетная линия. Здесь крайне важным следует считать клад скифской упряжи и украшений в зверином стиле из городища Стынчешть (Florescu, Florescu 2005: fig. 109—116). Этот бесспорно гетский памятник раннего этапа, крупный и укрепленный, сочетает в себе элементы, привнесённые как с запада (пинтадеры), так и с востока. Безусловно фракийский (гетский) контекст клада скифских вещей из Стынчешть в известной степени дополняет список памятников горизонта Пыржолтены-Данчены-Олонешты (Бруяко, Ткачук 1994)¹⁵.

И, в заключение, несколько слов об этнической идентичности населения, использовавшего пинтадеры в Карпато-Днестро-Дунайском регионе в VI—V вв. до н. э. Основной ареал пинтадер — культура Векерзуг, которую отождествляют с сигиннами античных источников. Однако, все 5 штампов, о которых

¹² Примечательно, что на местонахождении близ Зальцбурга обнаружены и наконечники стрел типичного для VI—V вв. «скифского» силуэта (Stollner 1996: Taf. 83: 157).

¹³ В свою очередь, эта находка дополняет перечень элементов материальной культуры, которые надёжно противостоят варварофобским ревизиям этнической истории античных городов Северного Причерноморья (см. напр. Буйских 2007).

¹⁴ Впоследствии эта гипотеза была поддержана Я. Хохоровски (1998: 488—489).

¹⁵ Клад можно датировать V в., скорее, первой его половиной. Он находился в лепном сосуде и включал в себя целый ряд замечательных предметов. В частности, это золотая аппликация в виде рыбы с головой кабана, 2 золотые накладки в виде листа, 2 бронзовые накладки в форме рога, пара двудырчатых псалиев с раскованными орлиноголовыми окончаниями, железные удила с несомкнутыми внешними петлями. Находки упряжи этой же типологической группы известны на городище и помимо клада. В частности, это Г-образный железный двудырчатый псалий и железные удила с несомкнутыми внешними петлями, точно такие же, как и в кладе (Florescu, Florescu 2005: fig. 58: 3—5).

здесь шла речь, сосредоточены за пределами Карпатского бассейна в ареале фракийской (гетской) культуры. Плотность находок в этих двух ареалах несопоставима — 137 и 5 — из чего можно заключить, что у гетов пинтадеры не имели сколько-нибудь заметного распространения. Но, тем не менее, даже если геты и не практиковали раскраску тела, а с удивлением взирали на то, как это делают мигранты из Алфёльда, оказавшиеся в их ареале, они должны были быть, по крайней мере, знакомы с этим обычаем.

Что говорят по этому поводу античные авторы? Геродот отмечает, что этот обычай характерен для фракийцев. Однако, если судить по контексту, геты в их число не входят (Herod. V, 6). Далее «отец истории» сразу же переходит к описанию сигиннов, их происхождения и обычаев. Геродот делает это довольно подробно (Herod. V, 9), но при этом ничего не сообщает о распространении обычая раскраски тел. Ещё одна ссылка, которую используют для подтверждения обычая татуировки, на самом деле не вполне точна. Речь идёт о фрагменте из «Истории» Аммиана Марцеллина. По мнению Ю. Кишфалуди, в нём историк говорит о распространении такого обычая у агафирсов (Kisfaludi 1997: 81). Но Марцеллин нигде не пишет об обычае татуировки у агафирсов. Дословно, он говорит о том, что агафирсы красили тело и волосы в голубой цвет. Более того, эта процедура была известна Марцеллину в деталях, а именно, он уточняет, что простые люди наносили эту краску «небольшими... рассеянными пятнами, а знатные — широкими, яркими и частыми» (Аmm. Marc. XXXI, 2.14). Очевидно, что для достижения подобного эффекта пинтадеры не годятся.

Краткий итог особых поводов для оптимизма не даёт. Археологические данные в очередной раз вступают в противоречие с нарративными источниками. Для того, чтобы их примирить, в настоящее время возможна лишь перестановка исходных данных и неизбежная воляность при их интерпретации. Примером может послужить версия, озвученная Ю. Кишфалуди. Агафирсов обычно отождествляют

с населением семиградской группы, а население Алфёльда — культура Векерзуг — считается сигиннами. В Алфёльде есть пинтадеры, в Трансильвании нет. Однако о сигиннах у древних авторов не сказано ничего такого, что могло бы свидетельствовать об обычае татуировки (раскраски) тел. Зато говорится, что нечто похожее практиковали агафирсы. Что всё это может значить? Это значит, считает Ю. Кишфалуди, что нужно присоединиться ко мнению тех исследователей (напр., О. Трогмайер), кто считает агафирсов населением КВ (Kisfaludi 1997: 81).

Но можно ведь представить дело и по-другому, с диаметрально противоположным результатом. Версия в защиту сигиннов, как носителей традиции раскраски тел, логически выглядит более сложной. Но методически она столь же спекулятивна, как и версия Ю. Кишфалуди. Сигинны — народ мидийский (об этом говорят Геродот и Страбон), а это, в широком смысле, Закавказье. Северо-Восточная Анатолия, где обитали моссинойки, граничит с Закавказьем. Вряд ли моссинойки были единственным народом в регионе, практиковавшим подобный обычай. Это весьма вероятно, если вспомнить, что пинтадеры были массово распространены в области между Каспийским и Чёрным морями, и не только в раннем железном веке. Тогда обычай раскраски с помощью глиняных штампов можно распространить на Закавказье в целом, куда, по умолчанию, попадают и сигинны. Заметим при всём при этом, что все фактические звенья в этом умозаключении обозначены современниками событий. Мы лишь соединяем эти звенья по своему усмотрению, не забыв упрекнуть Геродота в невнимательности по отношению к сигиннам, их обычаям и нравам.

Впрочем, единственное, чего всегда не хватает подобным «сложноподчинённым» версиям, — это убедительности. Вот и сейчас, когда мы полагаем, что реконструкция историко-археологической части сюжета вполне обоснована, вопросы этнокультурных соответствий, равно как и функциональности пинтадер, по-прежнему остаются открытыми.

Литература

- Бруяко И.В. 1993. Лепная керамика греческого Никония. В: Ванчугов В.П. (отв. ред.). *Древности Причерноморских степей*. Киев: Наукова думка, 58—71.
- Бруяко И.В. 1993а. Пинтадера из Никония. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье. КС ОАО*, 57—60.
- Бруяко И.В. 1993б. Северо-Западное Причерноморье в VII—V вв. до н. э. Начало колонизации Нижне-
- го Поднепровья. *АМА* 9, 60—79.
- Бруяко И.В. 2005. Поселение Ново-Некрасовка-II («Геродотовы» геты на Нижнем Дунае). *Revista Arheologică* 1 (1), 279—300.
- Бруяко И.В. 2005а. *Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р.Х.)*. Кишинёв: Высшая антропологическая школа.
- Бруяко И.В., Ткачук М.Е. 1994. Бессарабия VII—I вв. до Р.Х. Цикл кросскультурных диалогов. *Про-*

- блемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья 2. Тезисы докладов конференции, посвященной 95-летию проф. Б. Н. Гракова. Запорожье, 27—31.
- Буйских С. Б. 2007. К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени. *ССПІК XIV*, 110—125.
- ДГКСА 1985: *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. 1985. Археология СССР. Москва: Наука.
- Кашуба М. Т., Дараган М. Н., Левицкий О. В. 2010. Технологические новшества раннего железного века: перспективы изучения ранней гончарной сероглиняной керамики Восточного Прикарпатья. *Revista arheologică V* (2), 28—61.
- Крупнов Е. И. 1969. Новые пинтадеры из Чечено-Ингушетии. *Древности Восточной Европы (К 70-летию А. П. Смирнова)*. МИА 169, 105—110.
- Массон В. М. 1981. *Алтын-депе*. Тр. ЮТАКЭ XVIII. Ленинград: Наука.
- Мелюкова А. И. 1963. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. *КСИА АН СССР* 94, 64—72.
- Молодин В. И. 1990. К вопросу о штампах для орнаментации древней керамики. В: Молодин В. И., Ламина Е. В. (отв. ред.). *Древняя керамика Сибири. Типология, технология, семантика*. Новосибирск: Наука, 76—80.
- Никулцэ И. Т. 1985. Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне. *АИМ в 1981 г.*, 95—117.
- Палагута И. В. 2012. *Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балкано-карпатского круга в VII—III тыс. до н. э.)*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Пассек Т. С. 1949. *Периодизация трипольских поселений (III—II тыс. до н. э.)*. МИА 10.
- Романовская М. А. 1980. Керамический штамп из окрестностей с. Рудь. *СА* (1), 290—293.
- Смирнова Г. И. 1999. Еще раз о кружалной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья. *АСГЭ* 34, 44—57.
- Субботин Л. В. 2013. Культура Гумельница: Болградский вариант. В: Бруяко И. В., Самойлова Т. Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: СММЛ, 85—114.
- Энеолит СССР*. 1982. Археология СССР. Москва: Наука.
- Ailincăi et al. 2004—2005: Ailincăi S., Nicic A. V., Jugănararu G., Dobrinescu C. 2004—2005. Considerații privind realizarea decorului imprimat. *Pontica XXXVII—XXXVIII*, 111—128.
- Chochorowski J. 1987. Rola sigynnow Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *PA* 34, 161—218.
- Chochorowski J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Chochorowski J. 1998. Die Vekerzug-Kultur und ihre östliche Beziehungen. In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. München, 473—491.
- Florescu A., Florescu M. 2005. *Cetățile traco-getice din secolele VI—III a. Chr. de la Stănțești (jud. Botoșani). Târgoviște: Cetatea de Scaun*.
- Kemenczei T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe*. Inventoria Praehistorica Hungariae 12. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Kisfaludi J. 1997. Tonstempel und Knochenzylinder aus der Mittleren Eisenzeit in Karpatenbecken. *CAH*, 75—107.
- Krupnov E. I. 1962. *Kaukasisches Pintaderas*. *MAGW* 92, 197—205.
- Makkay J. 1984. *Early stamps in South-East Europe*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Schmidt K. 2002. *Norșuntepe. Kleinfunde II. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern.
- Schwellnus F. 2010. Pintadere: Überblick über die Fundgruppe der Tonstempel ausgehend von zwei Funden aus Sopron-Krautacker (Westungarn). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 40 (2), 207—226.
- Smirnova G. I. 1998. Din nou despre ceramica cenușie lucrată la roată descoperită în siturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu. *SCIVA* 49 (1), 23—37.
- Stöllner T. 1996. *Die Hallstattzeit und der Beginn der Latenzeit im Inn-Salzach-Raum*. Archäologie in Salzburg 3. Salzburg: Amt der Salzburger Landesregierung (Landesarchäologie).
- Ursuțiu A. 1999—2000. An Early Iron Age Pintadera from Bernadea, Mureș county. *Analele Banatului VII—VIII*, 271—285.
- Vulpe R. 1952. Șantierul Poiana. *SCIV* III, 191—210.

References

- Bruyako, I. V. 1993. In *Drevnosti Prichernomorskikh stepei (Antiquities of the Pontic steppes)*. Kiev: Naukova dumka, 58—71 (in Russian).
- Bruyako, I. V. 1993. In *Drevnee Prichernomor'e. Kratkie soobshcheniia Odesskogo arheologicheskogo obshchestva (Ancient Pontic region. Brief reports of the Odessa Archaeological Society)*, 57—60 (in Russian).
- Bruyako, I. V. 1993. In *Antichnyi mir i arheologiya (Ancient world and archaeology)* 9, 60—79 (in Russian).
- Bruyako, I. V. 2005. In *Revista Arheologică* 1 (1), 279—300 (in Russian).
- Bruyako, I. V. 2005a. *Rannie kochevniki v Evrope (X—V vv. do R. Kh.) ((Early Nomads in Europe (10th—5th cc. BC))*. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola (in Russian).
- Bruyako, I. V., Tkachuk, M. E. 1994. In *Problemy skifo-sarmatskoi arheologii Severnogo Prichernomoria (Problems of Scythian and Sarmatian archeology of the Northern Pontic region)* 2. Zaporozh'e, 27—31 (in Russian).
- Bujskikh, S. B. 2007. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomoria i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XIV, 110—125 (in Russian).
- Drevneishie gosudarstva Kavkaza i Srednei Azii (The most ancient states of the Caucasus and Central Asia)*. 1985. Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: Nauka (in Russian).
- Kashuba, M. T., Daragan, M. N., Levički, O. V. 2010. In *Revista arheologică V* (2), 28—61 (in Russian).
- Krupnov, E. I. 1969. In *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the anniversary of 70 years from the birth of A. P. Smirnov))*. Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 169, 105—110 (in Russian).
- Masson, V. M. 1981. *Altyn-depe (Altyn-depe)*. Trudy Iuzhno-Turkmenistanskoi kompleksnoi arheologicheskoi ekspeditsii

№3. 2014

- (Works of the Complex archaeological expedition in Southern Turkmenistan) XVIII. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Melyukova, A. I. 1963. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 94, 64—72 (in Russian).
- Molodin, V. I. 1990. *Drevniia keramika Sibiri. Tipologiia, tekhnologiia, semantika (Ancient pottery of Siberia. Typology, technology, semantics)*. Novosibirsk: Nauka, 76—80 (in Russian).
- Niculita, I. T. 1985. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1981 g. (Archaeological researches in Moldavia in 1981)*, 95—117 (in Russian).
- Palaguta, I. V. 2012. *Mir iskusstva drevnikh zemledel'tsev Evropy (kul'tury balkano-karpat'skogo kruga v VII—III tys. do n. e.) (The art of early European farmers. Cultures of the Balkan-Carpathian circle in the 7th—3rd millennia BC)*. Saint Petersburg: Aleteia (in Russian).
- Passek, T. S. 1949. *Periodizatsiia tripol'skikh poselenii (III—II tys. do n. e.) (Periodization of Tripolye settlements (3rd—2nd millennia BC))*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 10 (in Russian).
- Romanovskaya, M. A. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 290—293 (in Russian).
- Smimova, G. I. 1999. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 34, 44—57 (in Russian).
- Subbotin, L. V. 2013. In *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Ancient cultures of the North-Western Pontic region)*. Odessa: SMIL, 85—114 (in Russian).
- Eneolit SSSR (Eneolithic of the USSR)*. 1982. Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: Nauka.
- Ailincăi, S., Niciu, A. V., Jugănar, G., Dobrinescu, C. 2004—2005. Considerații privind realizarea decorului imprimat. *Pontica XXXVII—XXXVIII*, 111—128.
- Chochorowski, J. 1987. Rola sigynnow Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *PA* 34, 161—218.
- Chochorowski, J. 1993. *Ekspanja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Chochorowski, J. 1998. Die Vekerzug-Kultur und ihre östliche Beziehungen. In: Hänsel, B., Machnik, J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. München, 473—491.
- Florescu, A., Florescu, M. 2005. *Cetățile traco-getice din secolele VI—III a. Chr. de la Stâncești (jud. Botoșani)*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Kemenczei, T. 2009. *Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe*. Inventoria Praehistorica Hungariae 12. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Kisfaludi, J. 1997. Tonstempel und Knochenzylinder aus der Mittleren Eisenzeit in Karpatenbecken. *CAH*, 75—107.
- Krupnov, E. I. 1962. Kaukasisches Pintaderas. *MAGW* 92, 197—205.
- Makkay, J. 1984. *Early stamps in South-East Europe*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Schmidt, K. 2002. *Norșuntepe. Kleinfunde II. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern.
- Schwellnus, F. 2010. Pintadere: Überblick über die Fundgruppe der Tonstempel ausgehend von zwei Funden aus Sopron-Krautacker (Westungarn). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 40 (2), 207—226.
- Smirnova, G. I. 1998. Din nou despre ceramica cenușie lucrată la roată descoperită în siturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu. *SCIVA* 49 (1), 23—37.
- Stöllner, T. 1996. *Die Hallstattzeit und der Beginn der Latenzeit im Inn-Salzach-Raum*. Archäologie in Salzburg 3. Salzburg: Amt der Salzburger Landesregierung (Landesarchäologie).
- Ursuțiu, A. 1999—2000. An Early Iron Age Pintadera from Bernadea, Mureș county. *Analele Banatului* VII—VIII, 271—285.
- Vulpe, R. 1952. Șantierul Poiana. *SCIV* III, 191—210.

Статья поступила в номер 22 декабря 2013 г.

Igor Bruyako (Odessa, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Igor Bruyako (Odesa, Ucraina). Doctor în științe istorice. Muzeul de arheologie din Odesa, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Бруяко Игорь Викторович (Одесса, Украина). Доктор исторических наук. Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины.

E-mail: ibruyako@yandex.ru

Address: ¹ Lanzheronovskaya St., 4, Odessa, 065026, Ukraine